

Глава 2

Год назад, в феврале 2021-го, Анне исполнилось четырнадцать. На свой ДР она вдруг решила проколоть уши. Вообще, они у неё были проколоты когда-то в глубоком детстве, но потом она пару раз выдирала серёжки из ушей, однажды даже ухо порвала, и больше ей серьги не надевали. Да ей вообще запретили их носить! Анна ещё полгода назад (нет, побольше) начала фоткаться на паспорт и объездила половину города в поисках нормального фотографа. Начала она летом 2020-го, как только нас всех выпустили после самоизоляции и открылись фотосалоны и студии. Ей ни одна фотка не нравилась. В итоге перед Новым годом

она с горя пошла в МФЦ и там в кабинке её наконец-то автоматически сфоткало так, как она хотела. «Автомат умнее фотоаппарата», — сказала она. А ещё заметила, что у неё на фотке серьги в ушах.

— Да какие серьги? — внушал я ей. — Это с принтером ерунда какая-то или на объектив что-то налипло, поэтому кажется, что серьги.

— А как бы оно так налипло? — спорила Анна. — Сразу на оба уха налипло? Видишь, тут типа колечки. У меня дома такие же есть, золотые, которые с детдома ещё.

За день до своего ДР Анна потащилась прокалывать уши. В ближайшем салоне красоты. Хотя полгода не выбирала. Ей сказали месяц не снимать вот эти камушки-гвоздики, которыми прокалывают из пистолета. Но Анна вредная, она проносила гвозди только один день, а потом пришла после праздника домой, достала золотые кольца и минут сорок пыталась их вдеть в опухшие кровавые уши.

Надела, конечно.

Вообще-то, в дом ребёнка обычно попадают без наследства и совсем без всего. Поэтому странно немного, что Анна там оказалась с серьгами и вдобавок с золотым монистом в три ряда (его, кстати, проверяли — реально золото!). В личном деле было написано, что родители Анны бродяжничали и жили в Ростове-на-Дону в аварийном доме, который давно расселили и готовили на снос. И оба умерли от турбоВИЧа*. Странно, что Анне этот турбоВИЧ не передался в наследство.

Ей было семь месяцев, когда её нашла полиция. На ней были вот эти золотые побрякушки.

Откуда они могли взяться в семье, которая живёт в расселённом доме, уже отключённом от газа, и водопровода, и электричества?

Я всегда считал, что их спёрли в ювелирном магазине. Но Анна была уверена, что

---

* ТурбоВИЧ — сленговый термин, означающий заболевания ВИЧ-инфекцией и туберкулезом одновременно. *Прим. ред.*

в ювелирном такое невозможно спереть, потому что видно: это старинное народное украшение.

Монисто точно старинное. А серьги просто выглядели не очень новыми.

Наконец я заявил: «Значит, спёрли у антикваров. Или из ломбарда. Или даже из музея». А вообще странно, что это всё не продали и не проели. И полицейские какие-то больно честные попались. Составили опись личных вещей — и в дом ребёнка передали вместе с Анной в качестве наследства.

От биородителей, помимо украшений, у Анны остался только ксерокс старого свидетельства о рождении. Там было написано, что она Николаева Ана Тагариевна. Место рождения — Ростов-на-Дону, 2007 год. Именно так — Ана, а не Анна. Это потом уже Анну усыновили, и она получила вторую «н» в имя, и стала Яшкиной Анной Сергеевной, и место рождения сменила на Санкт-Петербург.

Анна подозревала, что родители назвали её Анной в честь королевы кешалий.

Как последний снег растает, как жёлтый горюцвет вспыхнет и поднимется сонтрава, выйдут из пещер горные девы, светлые дочери повелителя туманов, — кешалии. Сядут на вершинах гор и чешут золотым гребнем свои длинные белые волосы. Волосы их прозрачные, как нити тумана, как осенняя лесная паутина, её легко спутать с волосами кешалий. Из волос плетут кешалии невидимые рубашки. А рубашки надевают на новорождённых детей как благословение. Не на всех — на избранных.

На год меньше века, девяносто девять лет, живут кешалии.

И спустится по весне из чёрного замка с самой высокой вершины самой высокой горы королева их Ана: выберет тех, кому пришла пора умереть. Обречённых Ана отдаст лошолочам, уродливым волосатым лесным духам: в них превращаются те, чья душа черна, те, кто продал сердце дьяволу. Уши их свисают до плеч, руки длинные и достают до земли. И заплачет Ана, вспомнив о том, как однажды согласилась стать женой царя лошолочей:

хотела спасти своих дев. Девять демонов родились от этого брака, девять человеческих болезней. Трое из них были особенно страшны: Мелало, демон бешенства, серая птица о двух головах; восьмиголовый Порескоро, демон чумы и холеры, с птичьим туловищем и змеиным хвостом, о четырёх собачьих и четырёх кошачьих головах; красная мышь Лолмишо, демон чесотки и лепры.

Было это потомство таким страшным, что даже отец-король обмер от страха. Он покинул Ану, взяв взамен обет: отдавать на растерзание всякую кешалию, не дожившую до столетия один год.

Заперлась Ана в своём чёрном дворце и, чтобы жизнь не потерять, пьёт каждое утро три капли из левой руки трёх кешалий. Среди людей она появляется в образе большой бородавчатой жабы. Ползёт по земле — не тронь, где проползла — там золото в земле прячется. За той жабой льётся сок лииль, на который тотчас налетают демоны болезней. Жадно лижут они его с земли и обретают свежие силы.

А король лошолочей, единственный крылатый из проклятых душ, улетел в Африку и таится там до поры. Но если прилетит повидать своих подданных — горе той стране, где он остановится. Принесёт на кожистых суставчатых крыльях войну, и мор, и голод.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)